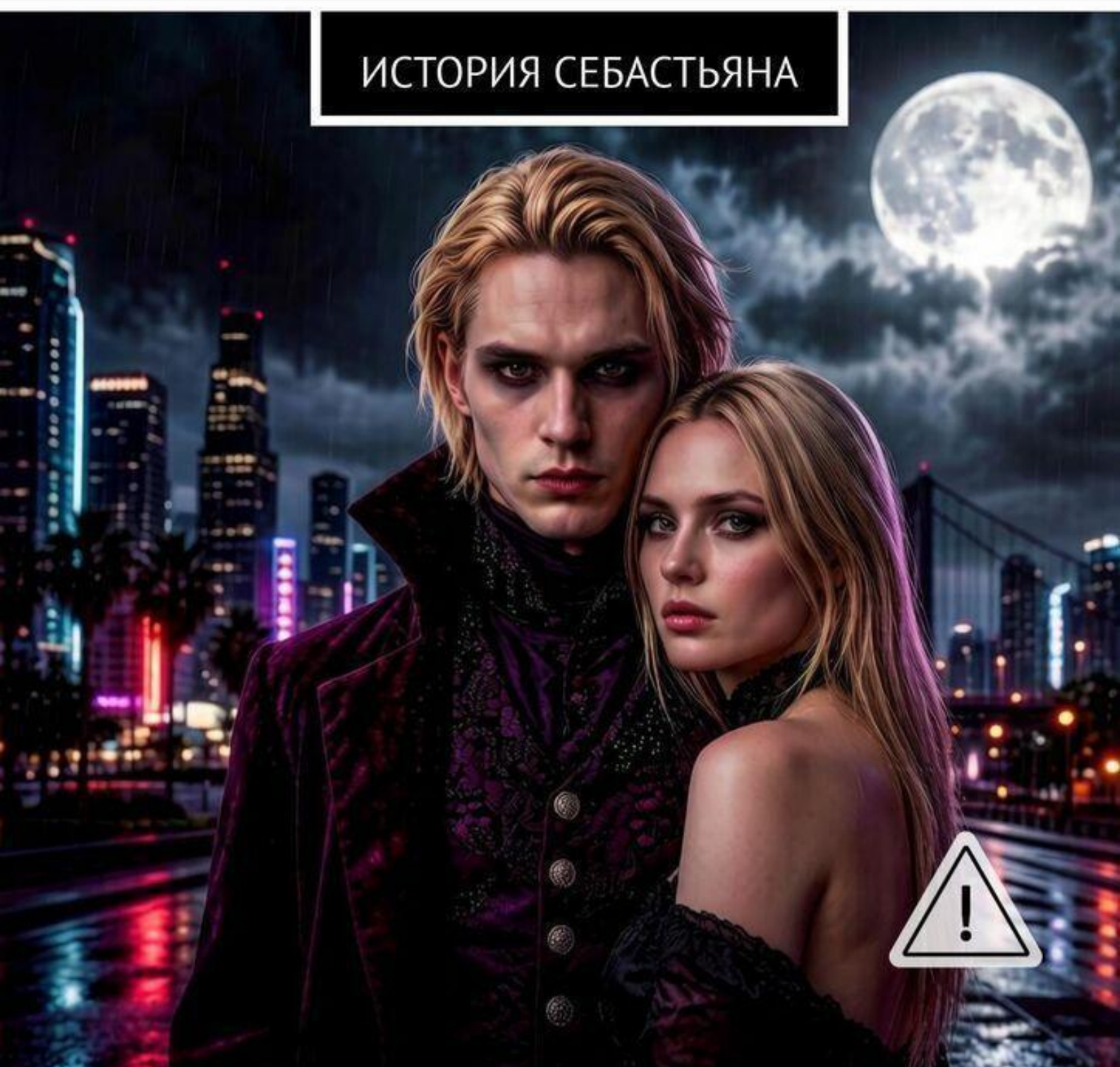

18+

МАРИ О

КНЯЗЬ ТЬМЫ

ИСТОРИЯ СЕБАСТЬЯНА

Мари О

Князь тьмы. История Себастьяна

«Издательские решения»

О М.

Князь тьмы. История Себастьяна / М. О — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Он не родился чудовищем. Он стал им. Сын обнищавшего французского графа, он видел, как его род гибнет, как его страна распадается на куски. Он искал спасения в армии Наполеона, но нашел лишь пустоту. Ватерлоо стало его могилой. Но смерть не была концом. Она была началом пути в вечную тьму. Это исповедь хищника. История о том, как любовь убивает, а власть делает бессмертным.

© О М.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Тень над Кале	9
Глава 2. Детство и юность	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Князь тьмы История Себастьяна

Мари О

© Мари О, 2026

ISBN 978-5-0070-5616-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Наши дни.

Ночь в Лос-Анджелесе пахнет иллюзиями. Здесь, под неоновым сиянием и слепящим светом софитов, гниют самые сладкие мечты человечества. Это город масок, где каждый носит личину — актера, святого, любовника, убийцы. Но истинные маски носят те, кто никогда не отражается в зеркалах заднего вида проносящихся мимо автомобилей. Те, для кого эта ночь — не просто время суток, а естественная среда обитания.

Пентхаус в башне Элизиум, Лос-Анджелес. Панорамные окна от пола до потолка открывают вид на ночной город, похожий на россыпь рассыпанных алмазов. Интерьер — холодный минимализм, стекло, хром и современное искусство. Никаких пыльных гобеленов или антиквариата. Это логово современного хищника.

Сара Эллисон, молодая амбициозная журналистка из крупного издания, спешит на интервью с влиятельным человеком. Она немного нервничает, но старается этого не показывать. Для неё это большое карьерное достижение. В её блокноте заготовлены вопросы о благотворительности, новых арт-проектах и инвестициях в технологические стартапы.

Он — хозяин положения. Он безупречно одет, спокоен и излучает ауру абсолютной власти. Он играет роль гостеприимного мецената, но за каждым его словом и жестом скрывается тысячелетний холод и скука. Он видит Сару насквозь: её пульс, запах страха, отчаянную надежду на успех. Сара Эллисон. Двадцать восемь лет. Работает в журнале пять лет. Недавно рассталась с партнером. Боится его до дрожи в коленях, но скрывает это за профессиональной маской уверенности. Как предсказуемо. И как освежающе.

Двери лифта бесшумно разошлись в стороны, выпуская меня в пространство, которое больше походило на декорацию к фильму о будущем, чем на жилое помещение. Воздух здесь был стерильно чист, пах озоном после грозы и дорогим парфюмом с ноткой чего-то горького, почти медицинского. Я поправила воротник блузки, чувствуя, как по спине пробегает предательский холодок.

— Мисс Эллисон. Прошу прощения, что заставил ждать.

Голос раздался откуда-то сбоку, из-за панорамного окна, у которого стоял силуэт мужчины. Он не обернулся. Его внимание было приковано к городу внизу — миллионам мерцающих огней, раскинувшимся под черным бархатом неба. На мгновение мне показалось, что он смотрит не на город, а сквозь него, на что-то, доступное лишь его взгляду.

— Мистер ЛаКруа... Спасибо, что согласились встретиться. Для меня большая честь...

Он наконец повернулся. Движение было плавным, текучим, лишенным всякой спешки. В тусклом свете ламп его кожа казалась алебастровой, а глаза — двумя осколками зимнего моря. Улыбка тронула уголки его губ, но так и не коснулась взгляда.

— Честь? Не думаю, что я понимаю значение этого слова так же, как вы. Но садитесь, прошу вас. Что-нибудь выпить? Минеральной воды?

Я опустилась в кресло, обтянутое белой кожей, которая была холодной на ощупь.

— Да, спасибо. И можно просто Сара.

Он нажал кнопку на столе, вызывая помощника. Пока мы ждали, тишина в комнате стала почти осязаемой. Я слышала гул крови в собственных ушах и тихий, размеренный стук его сердца... Стоп. Нет. Этого быть не могло. Мой взгляд метнулся к его шее. Под идеальным узлом галстука не было ни малейшего движения. Ни единого удара пульса.

— Итак, Сара, — он сел напротив, складывая пальцы домиком. Жест человека, привыкшего повелевать. — Ваш редактор предупредил меня, что статья будет посвящена моей филантропической деятельности. Искусство, наука, помощь сиротам... Весь этот утомительный фасад цивилизованности. Вы действительно хотите говорить об этом?

Его тон был вежливым, даже дружелюбным, но в нем сквозила такая ледяная усталость, что у меня перехватило дыхание. Это был голос существа, которому смертельно наскучили все человеческие игры.

— А о чем бы хотели поговорить вы? — мой вопрос прозвучал смелее, чем я ожидала. Профессиональный интерес взял верх над инстинктом самосохранения, который кричал мне бежать отсюда.

Себастьян медленно откинулся на спинку кресла. На его лице промелькнуло нечто похожее на одобрение.

— О правде. О том, что стоит за всеми этими жертвованиями. О том, почему человек, проживший достаточно долго, чтобы увидеть падение империй, вдруг начинает тратить свое состояние на смертных.

Он сделал паузу, наклоняясь вперед. Свет отразился в его серых глазах, и на долю секунды мне почудилось, что в них вспыхнул красный огонек.

— Видите ли, мисс Эллисон, вы пришли сюда взять интервью у известного мецената. Вы думаете, что знаете правила этой игры. Но вы ошибаетесь. Вы берете интервью у хищника. И единственный вопрос, который имеет значение... Готовы ли вы услышать мою историю?

Помощник принес воду, но я едва заметила его присутствие. Взгляд Себастьяна держал меня крепче любых цепей. Я сглотнула, пытаясь смочить пересохшее горло.

— Я... да. Я готова.

Дыхание города внизу было ровным и глубоким, словно спящего зверя. Себастьян наблюдал за ним через панорамное стекло своего кабинета. Миллионы жизней, миллиарды амбиций — все они копошились там, уверенные в своей значимости. Ему нравилось смотреть на них сверху вниз. Так он чувствовал себя почти... живым.

— Мистер ЛаКруа, мой редактор заверил меня, что двадцать минут будет достаточно...

Голос девушки вырвал его из задумчивости.

Он медленно повернулся к ней. Его улыбка была вежливой, безупречной маской мецената и филантропа.

— Ваш редактор ошибается, мисс Эллисон. Или лжет. А я очень не люблю, когда мне лгут. Садитесь. Разговор займет столько времени, сколько потребуется.

Она замерла, явно не зная, как реагировать на такое нарушение протокола. Отлично. Пусть нервничает. Страх обостряет восприятие.

Он подошел к своему креслу, но не сел. Вместо этого он оперся бедром о край стола из черного стекла, нависая над ней. Власть лучше ощущается, когда ты смотришь сверху вниз.

— Вы проделали долгий путь ради статьи о благотворительных балах и жертвованиях в музеи. Весь этот... утомительный фасад цивилизованности. Вам действительно интересна эта шелуха?

Его взгляд, холодный и оценивающий, впился в ее лицо. Он видел, как пульсирует жилка у нее на шее. Этот ритм завораживал. Ритм жизни, такой хрупкой и недолговечной.

— Я... конечно, это важная часть вашей деятельности, но...

— Но? — мягко подтолкнул он.

Внезапно он сделал шаг вперед, вторгаясь в ее личное пространство. Девушка инстинктивно вжалась в кресло. Запах ее страха был тонким, с нотками жасминового парфюма. Восхитительно.

— Посмотрите на меня, Сара, — его голос упал до шепота, бархатного и смертоносного. — Посмотрите по-настоящему. Забудьте о диктофоне. Забудьте о вопросах. Что вы видите?

Он позволил ей увидеть то, что прятал тысячелетиями. Позволил взгляду на секунду стать пустым, древним, лишенным всякой человечности. Всего на мгновение маска соскользнула, обнажая ледяную бездну.

Она сглотнула, не в силах отвести взгляд.

— Я вижу... человека, который очень одинок, — прошептала она.

Себастьян моргнул, и иллюзия рассеялась. Он тихо рассмеялся, звук был похож на треск льда.

— Почти. Очень близко. Вы проницательны. Именно поэтому вы здесь.

Он выпрямился и отошел обратно к окну, давая ей время прийти в себя.

— Видите ли, Сара, грядут перемены. Эпоха, которую я строил веками, подходит к концу. Скоро этот город, — он махнул рукой в сторону огней Лос-Анджелеса, — содрогнется. Все, кого вы знаете, все, во что вы верите, сгорит в огне событий, масштаба которых вы даже не можете себе представить.

Он снова посмотрел на нее, и теперь в его глазах плескался холод веков.

— Когда это случится, появятся тысячи версий того, почему это произошло. Тысячи лжецов будут кричать о своих победах. Мне же нужно, чтобы осталась одна правда. История проигравшего.

Он указал на кресло напротив своего стола.

— Присядьте. Уберите диктофон. То, что я расскажу, предназначено только для вас. Потому что скоро ваш мир изменится навсегда, и я хочу, чтобы вы знали, с чего всё началось. Оно началось не здесь, под этими неоновыми огнями. Оно началось на дымящихся руинах Ватерлоо...

Глава 1. Тень над Кале

«Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет».
(Послание Галатам 6:7)

Ветер с Ла-Манша пах солью, гниющими водорослями и свободой — той самой, недостижимой для тех, кто рожден под тяжестью родового герба. В конце восемнадцатого века Европа содрогалась от революционных бурь, но здесь, на севере Франции, в портовом городе Кале, время текло иначе. Оно было густым, как смола, и вязким, словно патока, медленно стекающая по стенам старого замка ЛаКруа. Здесь не гремели гильотины, но тишина, царившая в этих стенах, была страшнее любого крика.

Себастьян родился в этом замке в 1792 году, где каждый камень был пропитан горечью утраченного величия. Его семья принадлежала к обедневшей аристократии — ветви генеалогического древа, чьи листья давно пожухли и осыпались, оставив лишь сухие, ломкие сучья воспоминаний о днях былой славы. Замок, некогда бывший грозной цитаделью, теперь напоминал скелет гигантского зверя: его кости-контрфорсы были изъедены ветром и дождем, а плоть-штукатурка облупилась, обнажив серую кладку.

Детство Себастьяна прошло в атмосфере этого медленного умирания. Я рос среди теней длинных коридоров, где шаги гулко отдавались эхом, пугая летучих мышей под сводами потолков. Воздух здесь всегда был холодным и влажным, пахнувшим сыростью, пылью и увядшими розами из сада, за которым уже никто не ухаживал. Единственными живыми звуками в этой каменной гробнице были скрип половиц под ногами старой няньки да монотонный, бесконечный шепот ветра, бившегося в свинцовые переплеты окон.

Отец, старый граф, редко спускался из своей башни. Там, в кабинете, пропахшем трубным табаком и книжной плесенью, я проводил дни напролет, перебирая старые бумаги и письма, которые пахли гниением еще до того, как их коснулось время. Это был человек, чье лицо казалось высеченным из того же камня, что и стены замка, — жесткое, суровое, покрытое сеткой глубоких морщин. Когда он все же появлялся в главной зале, его фигура отбрасывала длинную, безжалостную тень, которая, казалось, поглощала весь тот жалкий свет, что проникал сквозь грязные окна.

— Ты должен вернуть честь семьи, Себастьян, — говорил отец, сжимая плечо сына железной хваткой. Пальцы графа были холодными, даже когда он сидел у жаркого камина. — Мир жесток, но в нём есть место для тех, кто готов бороться.

Себастьян молча смотрел в глаза отцу. Они были одного цвета — холодного, стального серого, цвета зимнего моря перед штормом. Но если в глазах отца читалась лишь усталость и покорность судьбе, то в зрачках мальчика полыхало темное пламя. Он кивал, потому что так было положено, но в душе его зрело иное желание. Желание, которое было настолько чуждо этому умирающему миру, что он боялся произнести его даже мысленно. Он не хотел быть просто графом. Не хотел возвращать никому не нужную «честь». Он хотел быть легендой. Он хотел власти такой абсолютной, чтобы само солнце меркло перед ним.

Мать, хрупкая и болезненная женщина, чья кожа казалась почти прозрачной, лишь вздыхала, глядя на потрескавшиеся стены и выцветшие гобелены. Она сидела у окна, кутаясь в шаль, и смотрела на серый горизонт, где море сливалось с небом в одно беспросветное полотно. Её руки, тонкие и бледные, вечно дрожали. Она умерла тихо, одной холодной весной, когда почки на старых яблонях так и не решились распуститься. Для Себастьяна её уход прошел почти незамеченным. Смерть матери стала лишь очередным доказательством бренности всего

живого, очередной трещиной в фундаменте их мира. Он стоял у её постели, смотрел на восковое лицо и не чувствовал ничего, кроме странного, отстраненного любопытства.

«Я не плакал. Я не чувствовал ничего, кроме странного, отстраненного любопытства. Что она видела там, за гранью? И главное — почему это должно волновать меня?

В тот момент я ещё не знал, что смерть может быть не только биологическим процессом, но и выбором. Я узнал это позже, когда понял, что любовь — это не чувство, а сделка» — вспоминает он.

Замок научил его главному уроку: слабость убивает. Слабость стен, которые рушатся под напором времени. Слабость людей, обращающихся в прах. Слабость духа, заставляющая смиряться с нищетой. Себастьян ненавидел эту слабость всем своим существом. Он бродил по пустым залам, касаясь кончиками пальцев портретов предков. Их лица, написанные маслом много веков назад, смотрели на него с высокомерным презрением. «Ты — наше падение», — казалось, говорили они. «Ты — конец нашей линии».

Он ненавидел их всех. Ненавидел этот замок, который душил его. Ночами, когда луна пряталась за тяжелыми облаками, он тайком пробирался на самую высокую башню. Там, стоя на краю парапета, подставив лицо ледяному ветру, он мечтал. Мечты его были острыми, как осколки стекла. Он видел себя не в этих сырых одеждах, а в сияющих латах или в расшитом золотом камзоле при дворе короля. Он представлял себе не унылый пейзаж Кале, а огни Парижа, блеск золота и преклонение тысяч глаз. Он жаждал славы, власти и бессмертия — того, что могло бы вернуть его роду былое величие, но уже на его собственных условиях. На условиях силы, а не происхождения.

Замковая часовня.

Воздух здесь тяжелее, чем в коридорах. Он пах ладаном, который давно выдохся, воском от оплывших свечей и сухой гнилью старых деревянных скамей. Единственный свет падает через витражное окно, изображающее мученичество святого Себастья (ирония, которую юный граф прекрасно осознает). Цвета тусклые, покрытые слоем пыли и копоти.

Сразу после того, как отец уходит обратно в свою башню, оставив Себастьяна одного в главном зале, юноша не идет сразу в библиотеку. Вместо этого он спускается по узкой винтовой лестнице в холодную крипту под часовней. Здесь, в фамильном склепе ЛаКруа, царит абсолютная тишина.

Я подхожу к одному из саркофагов — не новому, мраморному, где покоится мать, а древнему, из черного базальта. На нем выбито имя «Готье де ЛаКруа», его прапрадед, участник какого-то крестового похода. Саркофаг тяжелый, крышка весит несколько сотен фунтов.

«Честь», — проскрипел голос отца у него в голове. — «Вернуть честь семьи».

Себастьян провел кончиками пальцев по холодной, шершавой поверхности камня. Вот она, их хваленая честь. Гробовая плита. Конечная точка всех этих громких слов о славе и долге. Готье умер сотни лет назад, и что осталось от его амбиций? Имя, высеченное на камне, которое ветер скоро сотрет до неразборчивых царапин. Прах. Бессмысленный прах.

Я посмотрел на свои руки. Руки аристократа. Слабые руки. Отец хотел, чтобы он вернул прошлое. Но зачем возвращать руины? Это всё равно что пытаться склеить разбитую вазу и делать вид, что трещин нет. Нет. Прошлое нужно похоронить. Глубоко. И построить на его костях нечто новое.

Взгляд Себастьяна упал на ржавый рычаг сбоку от саркофага. Механизм для открытия крышки, которым никто не пользовался столетиями. Повинуясь внезапному порыву, скорее из любопытства, чем из реальной надежды, он взялся за рычаг и потянул.

Рычаг не шелохнулся. Конечно же. Время и ржавчина намертво сковали металл. Это было бы слишком просто.

Я замер. В этой тишине, рядом с символом окончательности смерти, его осенило. Дело не в силе рук. Дело в принципе. Его предки были слабыми. Они позволили своему величию истлеть, превратиться в пыль и тлен. Их «честь» оказалась хрупкой конструкцией, которая рухнула при первом же серьезном испытании временем. А время... время — самый безжалостный враг.

Я снова посмотрел на саркофаг, но теперь уже другим взглядом. Не как на памятник, а как на проблему. Как на вызов. Если физическая сила бесполезна, значит, нужна хитрость. Инструмент. Знание. Нужно понять, как работает этот механизм, найти его уязвимое место. Смазать ржавчину, использовать рычаг как противовес. Найти способ обмануть систему, созданную для того, чтобы оставаться закрытой вечно.

Эта мысль была подобна вспышке молнии в темноте. Решение проблемы было важнее самой проблемы. Процесс был важнее цели. Он не будет тратить жизнь на то, чтобы вернуть мертвецам их славу. Он создаст свою собственную. И сделает её неуязвимой для времени.

Осознав это, я выпрямился. Решение принято. Место, где хранятся знания о прошлом, станет его плацдармом для будущего. Я резко разворачиваюсь и быстрым шагом покидаю крипту. Я больше не хочу смотреть на мертвых. Я иду туда, где живут слова тех, кто тоже искал способы обмануть природу — в библиотеку. Туда, где пахнет книжной плесенью и трубочным табаком его отца, но где вместо пыли прошлого скрыты формулы будущего.

Вечером, когда ветер с пролива приносил запах соли и свободы, Себастьян часто убегал к морю. Он шел по узкой тропинке вдоль скал, слушая рев прибоя внизу. Море никогда не спало. Оно дышало, ворочалось огромной черной массой, и эта вечная, неукротимая энергия отзывалась в нем глухой болью. Он садился на мокрые камни, позволяя волнам лизать носки его сапог, и смотрел вдаль. Где-то там, за горизонтом, лежал огромный мир. Мир, полный жизни, крови и возможностей. Этот мир звал его, манил обещанием чего-то большего, чем прозябание в фамильном склепе.

Однажды, вернувшись в замок после такой прогулки, он застал отца в главном зале. Граф стоял у огромного, закопченного камина, в котором едва теплился огонь. Пламя бросало на его лицо причудливые тени, делая его похожим на череп.

— Ты опять ходил к морю, — голос отца звучал не как вопрос, а как обвинение.

— Да, отец, — спокойно ответил Себастьян, отряхивая песок с плаща.

— Вода холодна. Она заберет твою жизнь быстрее, чем голод или кинжал врага.

— Я не боюсь холода, — сказал мальчик, и в его голосе прозвучала такая уверенность, что старый граф впервые посмотрел на сына с интересом, смешанным со страхом.

В ту ночь Себастьян долго не мог уснуть. Он лежал в своей кровати с балдахином, слушая завывания ветра в дымоходе и треск старых стропил. Ему снились кошмары, но это были не те детские страхи, от которых просыпаются в слезах. Ему снилась кровь. Реки густой, алой крови, текущей по улицам Парижа. Ему снились короны, растаптываемые толпой. Ему снилось его собственное отражение в зеркале, но вместо лица там была лишь черная пустота, из которой на него смотрели два красных уголька.

Он проснулся задолго до рассвета. Комната была наполнена предрассветной синевой. Он подошел к окну и прижался лбом к ледяному стеклу. Мир снаружи был мертвенно тих. Ни звука. Даже ветер стих. И в этой абсолютной тишине Себастьян услышал другой звук. Звук собственного сердца. Бум... Пауза... Бум... Медленный, тяжелый ритм. Он положил руку на грудь, чувствуя, как под ребрами пульсирует жизнь. Эта теплая, уязвимая жизнь внутри него вдруг показалась ему постыдной слабостью. Какая нелепая конструкция! Сердце, которое может остановиться от страха или болезни. Кровь, которая может вытечь из раны. Плоть, которую можно сломать.

«Я не буду таким», — прошептал он своему отражению в темном стекле. Отражение молчало, но взгляд мальчика был тверд. — «Я найду способ стать сильнее смерти. Сильнее их всех».

Эта мысль, зародившаяся в промозглой тишине старого замка, стала его единственной молитвой. Он поклялся самому себе, что вырвется отсюда. Он пройдет через любые испытания, принесет любую жертву, переступит через любой труп, чтобы достичь своей цели. Честь семьи? Пусть отец цепляется за эти пыльные слова. Себастьян создаст свою собственную честь — выкованную из стали, закаленную в огне амбиций и омытую кровью врагов. Он станет силой, с которой придется считаться всему миру. Он больше не будет тенью своего рода. Он сам станет источником тьмы, от которой будут трепетать другие.

С первыми лучами солнца, окрасившими небо в болезненный багровый цвет, Себастьян отвернулся от окна. Впереди его ждал день, ничем не отличающийся от тысячи предыдущих. Скучный завтрак, уроки истории, которые он знал лучше учителя, и снова — холодный, пронизывающий сквозняк в коридорах. Но сегодня всё изменилось. Внутри него, рядом с сердцем, поселился холодный, расчетливый разум хищника. Он уже не был ребенком. Он был оружием, ждущим своего часа. И этот час обязательно настанет.

Глава 2. Детство и юность

*«Многие ищут милости у вельможи, и всякий человек — друг
ближнему своему, имеющему дающего».*
(Притчи 19:6)

Удушливая тишина замка ЛаКруа была его первой тюрьмой, а затем — единственным убежищем. После смерти матери дом окончательно превратился в склеп, где время не просто остановилось, оно начало разлагаться вместе со старыми гобеленами и разошедшимся паркетом. Воздух здесь был пропитан запахами сырости, сухой гнили и лавандовой воды, которой экономка пыталась перебить вековую затхлость. Но для Себастьяна этот аромат был запахом поражения, сладковатым тленом умирающей аристократии, к которой он принадлежал лишь по нелепой случайности рождения.

Я никогда не любил отца. Но я понимал его. Он был продуктом своего времени — осколком эпохи, которая давно умерла.

Его история началась в Версале. Дед, великий маршал Людовика XV, привез семилетнего Луи-Франсуа в столицу, чтобы он стал придворным. Мальчик с белокурыми локонами и безупречными манерами. Он должен был стать будущим герцогом.

Но революция всё изменила. Дворец превратился в тюрьму, а потом — в кладбище. Отец чудом избежал гильотины, укрывшись в Англии. Он вернулся в Кале, в родовой замок, который дед построил на костях крестьян.

Он встретил мою мать на балу в Булони. Она была дочерью торговца вином, но с безупречными манерами. Отец говорил, что её глаза были как бирюзовые волны Ла-Манша. Он женился на ней не из любви, а из отчаяния. Его род обеднел, а её приданое позволило оплатить долги.

Мать была мягкой, творческой натурой, которая пыталась украсить замок цветами и музыкой. Отец её подавлял, считая эти увлечения «распущенностью».

Их жизнь была фарсом. Мать играла роль леди, надевая платья, которые носили её бабушки. Отец пил коньяк и составлял списки расходов, пытаясь удержать замок на плаву. Они жили в комнатах, где обои осыпались, а полы скрипели от сырости.

Я помню, как он читал мне лекции о чести. Он говорил о рыцарях, о крестоносцах, о славе. Но я видел, что его руки дрожат, когда он подписывает векселя. Он был призраком прошлого, который боялся будущего.

Когда мать умерла, он не плакал. Он просто закрыл её глаза и сказал: «Ещё одна потеря. Как и всё в этой проклятой жизни».

Отец, старый граф, окончательно замкнулся в своей башне. Дни графа превратились в бесконечный ритуал: скрип пера по пергаменту, звон бокала с коньяком о стол и глухое покашливание, эхом отражавшееся от каменных сводов. Он писал мемуары — монументальный труд о славе рода ЛаКруа, который никто никогда не прочтет. Эти страницы были пропитаны желчью и сожалением, они пахли пылью и забвением. Отец говорил о чести так, словно это было реальное, осязаемое сокровище, которое можно спрятать в сундук и охранять до конца дней. Для Себастьяна же слово «честь» звучало как приговор к медленной казни.

— Ты должен вернуть честь семьи, Себастьян, — монотонно повторял граф во время их редких встреч за ужином. Стол был накрыт на двоих в огромной столовой, где гулкое эхо превращало любой шепот в крик. Свечи оплывали, бросая на лицо отца зловещие тени, делая его похожим на восковую маску из анатомического театра. — Мир жесток, но в нём есть место для тех, кто готов бороться.

Себастьян молча смотрел на свои руки, лежащие на коленях. Руки аристократа: тонкие запястья, длинные пальцы. Слабые руки. Он ненавидел эту слабость. Он кивал, потому что этого требовал этикет, но внутри него росла глухая ярость. Вернуть? Кому нужна эта рухлядь? Какую славу может принести имя, которое произносят с жалостью или вовсе не помнят? Он не хотел возвращать прошлое. Он жаждал стереть его, уничтожить до основания и построить на руинах нечто совершенно иное. Нечто вечное.

Он учился. Уроки фехтования с престарелым мастером казались ему насмешкой над настоящим боем. Легкие уколы рапиры не могли утолить ту жажду действия, что сжигала его изнутри. Историю Европы он знал лучше любого профессора Сорбонны, но сухие факты о династиях вызывали у него лишь скуку. История была летописью слабых людей, позволивших себя убить или свергнуть. Единственным предметом, который действительно занимал его ум, была алхимия и естественные науки. В пыльных фолиантах отцовской библиотеки он искал ответы на вопросы, которые боялся задать вслух. Существует ли способ обмануть смерть? Можно ли превратить бренную плоть в нечто неуязвимое?

Юность пришла в замок незаметно, как плесень на стенах. Тело Себастьяна вытянулось, став худым и жилистым. Его движения приобрели хищную грацию, свойственную скорее дикому зверю, чем человеку благородного происхождения. Взгляд серых глаз стал еще холоднее, приобретая стальной блеск, способный заморозить любое проявление тепла. Он научился носить маску учтивого безразличия так же легко, как носил свой черный бархатный сюртук. За этой маской скрывалась бездна, черная пустота, которую он сам же и создал, выжигая в себе остатки человеческих привязанностей.

Единственной живой душой в этом царстве мертвых был ветер. Он проникал сквозь щели в оконных рамах, шевелил тяжелые портьеры и приносил с собой запахи внешнего мира: дегтя с верфей порта, дыма далеких костров и соленой свежести моря. Этот ветер был единственной нитью, связывающей Себастьяна с жизнью за пределами каменной клетки. По ночам, когда замок погружался в сон (если это состояние окоченения можно было назвать сном), он прокрадывался в библиотеку. Там, при свете одинокой свечи, он читал труды философов-атеистов и трактаты по медицине, изучая устройство человеческого тела с отстраненным любопытством хирурга. Плоть представлялась ему неудачным материалом, хрупким сосудом, готовым треснуть от малейшего удара судьбы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.